

А. Е. Чечетин

ПРОВЕРОЧНАЯ ЗАКУПКА НАРКОТИКОВ И ПРАВА ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы обеспечения прав личности при проведении проверочных закупок наркотиков с учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации, даются рекомендации по совершенствованию процедуры проведения и их правового регулирования.

Ключевые слова: права личности, оперативно-разыскные мероприятия, проверочная закупка наркотиков, Европейский суд по правам человека, Конституционный суд Российской Федерации.

A. E. Chechetin

TEST PURCHASE OF DRUGS AND PERSONAL RIGHTS

The article focuses on the issues of ensuring personal rights when conducting test purchases of drugs taking account of legal positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation. The author gives recommendation on how to improve the procedure of their conduct and legal regulation.

Keywords: personal rights, operational-search activities, test purchase of drugs, the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation.

Судебная статистика последних лет свидетельствует об устойчивой тенденции к увеличению количества и доли в структуре осужденных лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. По данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2012 г. было осуждено за совершение преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ, 99,4 тыс. лиц [1], что составляет около 12 % в структуре всех осужденных за преступления в Российской Федерации. Приведенные цифры свидетельствуют не только об опасных масштабах незаконного оборота наркотиков, но одновременно и об активности правоохранительных органов по борьбе с этим злом, поскольку выявить такие противоправные деяния, носящие, как правило, латентный характер, возможно только с помощью активных оперативно-разыскных мероприятий, к числу которых относится проверочная закупка наркотиков (далее — ПЗН).

При этом данное оперативно-разыскное мероприятие (далее — ОРМ), как и вся оперативно-разыскная деятельность (далее — ОРД), должно осуществляться на основе конституционного принципа соблюдения прав и свобод человека и

гражданина. Однако в практике применения ПЗН данный принцип ОРД обеспечивается далеко не в полной мере. Об этом наглядно свидетельствует увеличивающийся поток жалоб на нарушение прав личности в процессе проведения ПЗН в различные судебные органы, включая Конституционный суд РФ и Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Особого внимания заслуживают решения ЕСПЧ по такого рода жалобам российских граждан, поскольку в них дается оценка не только конкретным действиям сотрудников оперативно-разыскных служб с позиций международных стандартов обеспечения прав личности, но и всей правоохранительной системе нашего государства.

Первыми решениями по жалобам граждан против Российской Федерации на нарушение их прав при проведении проверочных закупок наркотиков стали Постановления ЕСПЧ по делам «Ваньян против России» (от 15 декабря 2005 г.) [2] и «Худобин против России» (от 26 октября 2006 г.), на которые обращено внимание специалистов [3]. В этих решениях ЕСПЧ признал нарушение права заявителей на справедливое судебное разбирательство, поскольку пришел к выводу об имевшей место в их отношении провокации сбыта наркотиков. Основанием для такого вывода стало отсутствие в делах

заявителей достаточных свидетельств возможности совершения преступлений без вмешательства тайных агентов правоохранительных органов.

Достаточно оперативно отреагировал на эти решения ЕСПЧ Верховный суд России, принявший 15 июня 2006 г. постановление Пленума Верховного суда № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», где было разъяснено, что необходимыми условиями законности проведения проверочной закупки наркотических средств или психотропных веществ являются соблюдение оснований для проведения ОРМ, предусмотренных ст. 7 Закона об ОРД, и требований ч. 7 ст. 8 указанного закона, в соответствии с которыми проверочная закупка веществ, свободная реализация которых запрещена, проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Верховным судом РФ также было указано на два условия отграничения проверочной закупки от провокации: наличие у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также проведение лицом подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния. Разъяснения Верховного суда РФ в этой части предназначены, прежде всего, для судей, которые в ходе судебного разбирательства должны давать правую оценку законности действий оперативных сотрудников. Однако они одновременно нацеливают и органы, осуществляющие ОРД, на обязательность собирания в процессе документирования преступной деятельности сведений, подтверждающих наличие у проверяемого лица умысла на незаконный оборот наркотиков, а также проведение им необходимых для этого подготовительных действий.

Вслед за Верховным судом РФ законодатель принял федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, дополнивший ст. 5 Закона об ОРД положением, прямо запрещающим подстрекательство, склонение и побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

Однако введенные законодателем запреты на провокацию преступлений, а также разъяснения Верховного суда РФ по этому вопросу, к сожалению, оказались недостаточно надежным средством обеспечения прав граждан при проведении ПЗН. Об этом весьма наглядно свидетельствуют выводы очередного постановления ЕСПЧ по делу «Веселов и другие против России» от 2 октября 2012 г., вынесенного сразу по трем самостоятельным жалобам российских граждан. Объединение в одно производство одновременно нескольких жалоб свидетельствует не только об идентичности дел заявителей, но и о системном характере поднятой заявителями проблемы [4]. Эти обстоятельства указывают российским компетентным органам на необходимость принятия соответствующих мер по совершенствованию правовой основы и практики применения проверочных закупок наркотиков.

При этом нельзя упрекнуть ЕСПЧ в какой-либо предвзятости решений, выносимых по жалобам российских граждан, поскольку в своем более раннем постановлении от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» он не обнаружил нарушения прав заявительницы при проведении в ее деле проверочной закупки наркотиков.

В постановлении по делу «Веселов и другие против России» было вновь обращено внимание на недостаток Закона об ОРД, предусматривающего в качестве обязательного условия проведения ПЗН лишь ее ведомственное санкционирование. Такая процедура принятия решения о проведении данного мероприятия была признана недостаточной и не обеспечивающей надежных гарантий защиты от провокации еще в решениях по делам Ваньяна и Худобина. Как отметил ЕСПЧ, несмотря на установленный законодателем запрет на провокацию преступлений, никакие законодательные или нормативные инструменты не дают определения или толкования данного термина или каких-либо практических указаний, как избежать ее, а процедура получения санкции на проведение ПЗН никакого развития не получила (§ 103). При этом российская система, при которой принятие решений на проверочные закупки подпадают под компетенцию оперативно-разыскных органов, расходится с практикой, принятой большинством государств — членов Европейского союза, в которых правом на санкционирование

проверочных закупок наркотиков обладают, как правило, суды либо органы прокуратуры. Данный недостаток, по мнению ЕСПЧ, свидетельствует о неспособности государства гарантировать защиту от провокаций со стороны полиции (§ 106).

О неэффективности ведомственного санкционирования ПЗН свидетельствуют и материалы конституционных жалоб. В них обращается внимание на то, что вопреки законодательному установлению, согласно которому рассматриваемое ОРМ проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, такие постановления, как правило, утверждаются их заместителями. Несмотря на то, что Конституционный суд РФ признал такую практику правомерной и не нарушающей права заявителей, поскольку возможность санкционирования ПЗН не только руководителем, но и его заместителем предусмотрена другими нормами Закона об ОРД [5], тем не менее возможность понижения ранга должностного лица, уполномоченного на такое санкционирование, приводит к снижению ответственности исполнителей и создает условия для злоупотреблений. Из материалов жалоб усматриваются факты вынесения постановлений о ПЗН после их фактического проведения; их утверждения лицами, исполняющими обязанности заместителей, но не наделенных соответствующими полномочиями; отсутствие в постановлениях сведений об объектах проводимых мероприятий, их месте и времени, об использовании при этом специальных технических средств (далее — СТС) и т. д. Практике известны многие случаи и прямых фальсификаций при проведении ПЗН [6].

В этих правовых реалиях выводы и рекомендации ЕСПЧ должны послужить новым сигналом законодателю о необходимости установления независимого предварительного контроля за проведением ПЗН, который, на наш взгляд, мог бы быть возложен на органы прокуратуры.

В постановлении «Веселов и другие против России» отмечалось, что у всех трех заявителей основаниями проведения проверочной закупки были лишь сообщения информаторов, являющихся наркоманами, которые при этом в двух случаях ранее никогда не приобретали наркотики у этих лиц. Несмотря на то, что для полиции эта информация носила первичный характер, т. е. упоминавшиеся в ней лица не были

известны как сбытчики наркотиков, она без какой-либо предварительной проверки и без попытки применения других методов разоблачения заподозренных лиц была сразу реализована путем проведения ПЗН с последующим возбуждением уголовного дела. Исходя из этого, ЕСПЧ пришел к выводу о том, что в делах заявителей у полиции не было достаточных оснований для проведения ПЗН, в отличие от дела Банниковой, по которому принятию решения о проведении закупки предшествовало проведение проверочных мероприятий, включающих прослушивание телефонных переговоров (§ 108).

Европейский суд также обратил внимание на то, что в делах всех трех заявителей информаторы полиции одновременно выступали и в роли закупщиков. Рассматривая подобные ситуации, ЕСПЧ постоянно подчеркивал, что роль закупщиков в таких случаях должна оставаться строго пассивной, чтобы не подтолкнуть к совершению правонарушения. Проверочная закупка, осуществляемая информатором, действующим в качестве покупателя, нуждается в особо серьезном обосновании, должна выполняться в соответствии с жесткой процедурой и при условии ее документирования таким образом, чтобы обеспечить впоследствии независимую оценку действий участников ПЗН (§ 102). В то же время инициатива покупки наркотиков в делах заявителей исходила от закупщиков, которые свои просьбы, а в двух случаях — фактические уговоры о продаже наркотиков — высказывали по телефону из помещения правоохранительного органа. Однако эти разговоры не фиксировались на звукозаписывающую аппаратуру, а потому не были получены объективные свидетельства формирования умысла на сбыт наркотиков независимо от деятельности полиции.

ЕСПЧ в этой части пришел к выводу о том, что неформальная и спонтанная манера, в какой санкционировались и проводились проверочные закупки по делам заявителей, происходит, в частности, из-за отсутствия адекватного регулирования таких негласных операций. С одной стороны, неспособность законодателей установить условия использования такого ОРМ оставляет данную технику открытой для злоупотреблений, а с другой — не позволяет правоохранительным органам впоследствии

доказать, что их действия не носили характер провокации (§ 111, 117, 123, 126). Данный вывод в переводе на российскую юридическую терминологию следует понимать, прежде всего, как недостаточность законодательных установлений, касающихся оснований, условий и порядка проведения ПЗН, которые, на наш взгляд, требуют специального правового регулирования как минимум в отдельной статье Закона об ОРД. При этом для конкретизации законодательных норм должен быть разработан подзаконный нормативный акт, устанавливающий единый для всех правоохранительных служб порядок проведения ПЗН.

Одной из важных причин, обусловивших признание ЕСПЧ нарушений права заявителей на справедливое судебное разбирательство, стало то обстоятельство, что национальные суды не обеспечили адекватной проверки ходатайств заявителей о провокации, не оценили наличие оснований для проверочной закупки, а также законность действий полиции и их информаторов (§ 127). Отвергая доводы заявителей без надлежащей проверки, российские суды первой и второй инстанций проигнорировали в делах заявителей не только правовые позиции Европейского суда, но и рекомендации упомянутого выше постановления Пленума Верховного суда РФ.

В отличие от дела «Веселов и другие против России» в деле «Банникова против России» ЕСПЧ пришел к выводу о том, что жалоба заявительницы на провокацию была рассмотрена национальными судами соответствующим образом, ими были приняты необходимые меры по установлению истины и устранению сомнений относительно возможности провокации, а вывод о ее отсутствии основан на разумной оценке достаточных доказательств (§ 77). Кроме того, поводом к отказу в признании нарушения права Банниковой на справедливое судебное разбирательство в ее деле послужило то, что закупщиком в нем выступал не информатор, а оперативный сотрудник, который включился в сделку в то время, когда она уже была запланирована. При таких обстоятельствах у ЕСПЧ не возникло сомнения о возможной провокации в отношении Банниковой.

Выводы ЕСПЧ по делу «Веселов и другие против России» о системном характере нарушений прав заявителей подтверждаются и

материалами жалоб, поступающих в Конституционный суд Российской Федерации. В них можно найти достаточно свидетельств того, что при проведении проверочных закупок правоприменителями не принимается должных мер к тому, чтобы обнаружить и зафиксировать доказательства наличия у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, а также проведения лицом подготовительных действий, необходимых для совершения противоправного деяния. В обвинительных приговорах по таким делам в качестве доказательств вины нередко фигурируют только акты проверочных закупок, наркотические средства, выданные закупщиком, а также показания закупщика, оперативных сотрудников, проводивших данное ОРМ, и граждан, привлекаемых в качестве понятых. При этом отсутствуют какие-либо свидетельские показания о причастности обвиняемого к другим фактам сбыта наркотиков; факты обнаружения у него наркотиков либо их прекурсоров в процессе обысков; данные прослушивания телефонных переговоров, а также иные материальные следы, подтверждающие его причастность к наркобизнесу.

В решениях Конституционного суда РФ по жалобам граждан, в которых утверждалось об имевшей место провокации преступлений, неоднократно отмечалось, что проведение проверочной закупки наркотиков должно основываться на предписании ч. 8 ст. 5 Закона об ОРД, прямо запрещающей при осуществлении ОРМ подстрекать, склонять, побуждать граждан в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, т. е. совершать действия, провоцирующие граждан на незаконный оборот наркотиков (определения от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О, от 26 января 2010 г. № 81-О-О, от 23 сентября 2010 г. № 1198-О-О и др.). При этом Конституционным судом РФ подчеркивалось, что установление соответствия указанным требованиям закона действий должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, требует всестороннего изучения фактических обстоятельств проводимых проверочных закупок в судах общей юрисдикции.

Однако из поступающих в Конституционный суд РФ материалов следует, что суды, рассматривающие дела по существу, так же, как

это было в деле Веселова и др., часто уклоняются от проверки и оценки фактов провоцирующего поведения закупщиков. Вряд ли можно согласиться с обоснованностью решений, в которых признаются допустимыми такие приемы, когда условиями согласия на сбыт наркотического средства при проверочной закупке становились их последующее совместное употребление, обещание закупщика вернуть денежный долг, апеллирование к чувству жалости под предлогом необходимости снятия абстинентного синдрома и т. п. Если, к примеру, закупщик в суде подтверждает, что он предлагал посреднику в качестве вознаграждения оставить часть приобретенного наркотика себе, то это, на наш взгляд, должно расцениваться как свидетельство формирования умысла на противоправное деяние под воздействием сотрудников правоохранительных органов и рассматриваться как элемент провокации.

При принятии решения на проведение ПЗН следует исходить из того, что ее объектом должно быть лицо, владеющее наркотиками и занимающееся их регулярным сбытом, а не рядовой потребитель, способный оказать лишь посредничество в приобретении наркотиков, а потому не подлежащий привлечению к уголовной ответственности. Так, определением Верховного суда РФ от 19 июля 2012 г. было прекращено уголовное преследование за покушение на незаконный сбыт наркотических средств гр. Д., в отношении которого проводилась проверочная закупка. Это решение было мотивировано тем, что Д. не являлся владельцем наркотического средства, действовал не в интересах лица, его сбывающего, а по просьбе и в интересах гражданина, оказывающего содействие правоохранительным органам. При таких обстоятельствах в действиях Д. Верховный суд РФ усмотрел лишь признаки пособничества в приобретении наркотиков, а поскольку действия закупщика были правомерными, то и пособничество в правомерных действиях не образует состава преступления [7].

Возможность обеспечения объективной судебной проверки отсутствия признаков провокации в действиях оперативных сотрудников может быть обеспечена путем фиксации действий участников проверочной закупки с помощью аудио- и видеозаписывающей аппаратуры. Небезынтересно, что вопрос об этом

ставится даже в конституционных жалобах, в которых предлагается в ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД закрепить не право на использование СТС, а обязанность ее применения при проведении проверочной закупки наркотиков.

Однако в большей части обращений в Конституционный суд РФ оспаривается допустимость использования аппаратуры аудио- и видеозаписи при проведении ПЗН без судебного решения, что, по мнению заявителей, ограничивает их право на неприкосновенность частной жизни, а также на тайну иных сообщений, гарантированное ст. 23 Конституции РФ. По этому поводу Конституционный суд РФ в определении от 20 марта 2007 г. № 178-О-О указал на то, что использование в ходе проведения ОРМ видео- и аудиозаписи, а также других технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде, имеет целью фиксацию хода и результатов проведения соответствующих ОРМ и не является самостоятельным мероприятием. По смыслу названного закона применение технических средств, в т. ч. средств аудиозаписи, осуществляется в рамках общего порядка проведения соответствующих ОРМ и само по себе не предопределяет необходимость вынесения о том специального судебного решения, которое признается обязательным условием для проведения отдельных ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина.

Однако эта правовая позиция должна применяться с учетом того, какие разговоры записываются и где они происходят. Если в процессе проведения проверочной закупки происходят переговоры закупщика с проверяемым лицом по телефону, то их запись будет ограничивать право на тайну телефонных переговоров, а потому требует предварительного судебного решения либо их последующего санкционирования судом в соответствии с положением ч. 3 ст. 8 Закона об ОРД.

Таким же образом должен решаться вопрос об использовании аппаратуры аудио- и видеозаписи в случаях, когда закупка происходит в квартире проверяемого лица. Само по себе вхождение закупщика в жилое помещение с согласия проживающего в нем лица не может рассматриваться как ограничение права на неприкосновенность жилища, но если при этом он негласно вносит с собой радиомикрофон,

видеорегистратор либо иное специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения информации, то для этого требуется судебное разрешение, поскольку согласия владельца жилья на это он не получал. Такой вывод прямо вытекает из правовой позиции Конституционного суда РФ, сформулированной в определении от 14 июля 1998 г. № 86-О, согласно которой при проведении любых ОРМ конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища не может быть ограничено без судебного решения. Кроме того, при решении подобных задач в практике ОРД следует руководствоваться и решением ЕСПЧ по делу «Быков против России» от 10 марта 2009 г., в котором негласная запись с помощью радиомикрофона разговоров, состоявшихся в жилом помещении без судебного решения, была признана нарушившей права заявителя.

Несмотря на достаточную для специалистов ясность в этом вопросе [8], правоприменительная практика ряда регионов России до настоящего времени продолжает идти по пути внесудебного использования специальной техники в жилище граждан. Об этом свидетельствуют не только опросы правоприменителей, но и материалы жалоб, поступающих в Конституционный суд РФ, в которых встречаются факты признания правомерности применения таких тактических приемов, в т. ч. судами кассационных инстанций.

Весьма актуальной для современной оперативно-разыскной практики является проблема обеспечения законности и прав личности при проведении повторных ПЗН, поскольку Закон об ОРД и ведомственные инструкции данный вопрос не регулируют. Этот нормативный пробел вынужден был восполнить Верховный суд РФ, разъяснивший эти вопросы в Обзоре судебной практики от 27 июня 2012 г. [9]. В нем указывалось, что проведение повторной проверочной закупки наркотиков у одного и того же лица должно быть обосновано и мотивировано, в т. ч. новыми основаниями и целями, и с обязательным вынесением нового мотивированного постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Целями повторного ОРМ могут являться пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности, установление всех ее соучастников, выявление преступных связей наркодилеров, установление каналов поступления

наркотиков, выявление подпольных нарколабораторий. Кроме того, это могут быть случаи, когда в результате проведенного ОРМ не были достигнуты цели мероприятия (например сбытчик наркотического средства догадался о проводимом мероприятии). Если при рассмотрении уголовного дела суд установит отсутствие новых оснований для проведения повторного ОРМ, то, как следует из разъяснений Верховного суда РФ, доказательства, полученные в результате такого мероприятия, должны признаваться недопустимыми, поскольку согласно положениям закона данное ОРМ должно проводиться, прежде всего, в целях выявления и пресечения преступной деятельности.

Руководствуясь данными разъяснениями, суды в последнее время стали более требовательно подходить к оценке допустимости доказательств, полученных на основе использования результатов ПЗН. Так, определениями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 19 июля 2012 г. и от 22 января 2013 г. были изменены приговоры лицам, осужденным за три эпизода покушения на незаконный сбыт наркотиков по результатам проведенных ПЗН. Обосновывая свои решения, Судебная коллегия указала на то, что имевшие место по этим делам повторные проверочные закупки не вызывались необходимостью, поскольку проводились в отношении известных лиц и не преследовали никаких новых целей, в частности по выявлению каналов поступления наркотиков либо установлению иных лиц, причастных к их незаконному обороту. При таких обстоятельствах проведение повторных ПЗН было признано незаконным, поскольку они проводились вопреки задачам ОРД, одной из которых является пресечение преступлений [10].

Приведенные правовые позиции Верховного суда РФ не следует рассматривать как полный запрет на проведение повторных проверочных закупок. Из них должен быть сделан вывод: решение на повторную ПЗН в отношении одного и того же лица должно быть обосновано необходимостью решения новых задач ОРД, которые не были решены в процессе первоначальных действий. Если в первом случае решалась задача проверки информации о причастности конкретного лица к сбыту наркотиков, то проведение повторной ПЗН может быть обусловлено необходимостью выявления соучастников преступной деятельности, каналов

поступления наркотиков, обнаружения мест их хранения или изготовления, документирования организованной преступной деятельности и т. д.

Проблема обеспечения прав личности при проведении ПЗН, разумеется, не ограничивается вышеперечисленными аспектами. В конституционных жалобах граждан обращается внимание на многие другие вопросы, в т. ч. связанные с обеспечением права на неприкосновенность личности и права на доступ к адвокату при задержании сбытчиков наркотиков с поличным, с процедурами оформления досмотра и выемки обнаруженных наркотиков, со своевременностью возбуждения уголовных дел по результатам ПЗН, с использованием незаинтересованных граждан в качестве понятых при документировании процесса проверочной закупки и т. д.

Затронутая нами проблема изучена пока явно недостаточно, а потому нуждается в дальнейших научных исследованиях в целях разработки мер по совершенствованию правового регулирования, а также организации и тактики проверочной закупки наркотиков, которые позволили бы повысить эффективность этого ОРМ на основе соблюдения принципа обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Примечания

1. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/OBZOR_sudebnoy_statistiki__2012_g.doc (дата обращения: 24.08.2013).
2. Приводимые решения ЕСПЧ и Конституционного суда взяты из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гаврилов Б. Я., Боженко С. К вопросу о провокации преступлений (с учетом решений Европейского суда по правам человека) // Уголовный процесс. 2006. № 5. С. 44—45; Горянов Ю. И. Законность действий сотрудников правоохранительных органов с точки зрения ЕСПЧ // Уголовный процесс 2011. № 5. С. 30—35; Трубникова Т. В. Ограничение провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в практике ЕСПЧ и судов РФ // Уголовный процесс 2012. № 12. С. 44—52; Орлов Д. В. Развитие Европейским судом по правам человека судебной-интерпретационной деятельности по вопросу провокации преступления // Рос. юстиция. 2013. № 7. С. 64—65.
4. Ковлер А. И. Россия в Европейском суде: 2012-й — год «большого перелома» // Российское правосудие. 2013. № 3 (83). С. 29; Ковлер А. И. Незамеченный юбилей (к 15-летию действия Европейской конвенции по правам человека в Российской Федерации) // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. 2013. № 6. С. 13.
5. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 21 июня 2011 г. № 803-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 15 марта 2006 г. № 56-005-110сп [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Полицейские заплатят личными средствами за фальсификацию дела // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 33; Адвокат «выявил» оперативников-фальсификаторов // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 7.
7. Определение Верховного суда Российской Федерации от 19 июля 2012 г. № 50-Д12-33 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Сусликов А. Н. Санкция суда на использование техсредств требуется, только когда ОРМ проводится в жилище // Уголовный процесс. 2010. № 12. С. 38—39.
9. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. Утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определения Верховного суда Российской Федерации от 19 июля 2012 г. № 50-Д12-36, от 22 января 2013 г. № 50-Д12-122 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».